

Функции заимствованной лексики в романе

А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Преподаватели **Др.Камель Мухаммед дионк** и

Др. Зэйнаб Сафуан Камаль Аль-дин

Багдадский университет

Факультет языков

Кафедра русского языка

2013

وظيفة المفردات اللغوية المقتبسة في رواية (يفغيني اونيغن) للكاتب الكسندر سيركيفيج بوشكين

د كامل محمد ديونك

د . زينب صفوان كمال الدين

كلية اللغات – قسم اللغة الروسية

الكثير من الدراسات والبحوث سلطت الأضواء على إبداعات بوشكين و تحليل تلك الإبداعات كذلك تناولت تلك الدراسات دور المفردات اللغوية المقتبسة من اللغات الأخرى في نتاجات بوشكين وكذلك علاقة بوشكين باللغات الأخرى .

في بحثنا تطرقنا إلى الاقتباسات للمفردات من لغات أوروبا الغربية (اللغة الفرنسية ، الانكليزية ، الألمانية) والتي واجهتنا في رواية (يفغيني اونيغن).

لقد كان للغة والثقافة الفرنسية تأثير كبير على الحياة الاجتماعية الروسية في القرن الثامن عشر وبداية القرن التاسع عشر وكذلك كانت اللغة الفرنسية في تلك الفترة تقريبا هي لغة الطبقة المثقفة في عموم أوروبا بالإضافة إلى إنها لغة الطبقة النبيلة . حيث تم استخدام مفردات اللغة الفرنسية من قبل بوشكين في الخطاب التحريري والشفوي والبسيط. إلى جانب اللغة الفرنسية فقد كانت للغة الانكليزية تأثير على بوشكين ونتاجاته حيث أعجب بنتاجات كل من بايرون وفولتر سكوت وشكسبير.

أما الميادين التي دخلت إليها تلك المفردات فهي : علوم الفلسفة، علم النفس، السياسة ، الطبيعيات. كذلك غزت حياة النبلاء مجاميع من المفردات اللغوية مثلا: أنواع الأقمشة ، الملابس، أغطية الرأس ، الأواني، الخضراوات، أصناف المشروبات، البناء والأعمار ، المفردات الحربية ، الاقتصاد والطب، الفن ، المفردات المتعلقة بالرقص، مختلف مسميات المؤسسات والدوائر والإدارات الحكومية ، المفردات المتعلقة بالنشاطات السياسية.

إن مجموع الكلمات الأوربية المستخدمة في رواية بوشكين (يفغيني اونيجن) بلغ ٢٣١ من مجموع المفردات الأجنبية والبالغ عددها ٥٦٦ وبذلك يمكن القول إن نسبة المفردات الأجنبية إلى مجموع مفردات الرواية يكون ٣%.

Функции заимствованной лексики в романе

А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Многочисленные исследования, посвященные анализу языка творчества А.С. Пушкина, так или иначе, затрагивают вопрос о роли заимствованной лексики в произведениях поэта. Кроме того, труды, посвященные истории развития русского языка, роли А.С. Пушкина в формировании его норм, также рассматривают проблему отношения поэта к иноязычной лексике и характере ее использования в художественных произведениях.

Вопросы пушкинского билингвизма в разной степени освещаются в исследованиях Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.В. Томашевского, Г.А. Гуковского, М.П. Алексеева, Ю.М. Лотмана, В.В. Набокова, В.В. Макарова, В.А. Малаховского, П.С. Сержана, Ю.В. Ванникова, Н.А. Колосовой, В.Г. Гака и ряда других исследователей.

Изучению неассимилированной лексики в языке Пушкина посвящены работы В. В. Макарова [Макаров 1957], Н.А. Колосовой [Колосова 1984], М.В. Кашковской [Кашковская 1995; 1999], Е.В. Савиной [Савина 2002; 2003] и др. Особенности использования научной лексики, среди которой немало слов иноязычного происхождения, рассматриваются в монографии Н.В. Васильева [Васильев Н.В. 1989].

В данном исследовании мы остановимся на рассмотрении функций заимствованной западноевропейской лексики (из французского, английского, немецкого языков), которые мы встречаем в романе «Евгений Онегин».

Следует отметить, что поэт жил и создавал свои произведения в то время, когда в образованные русские люди свободно изъяснялись на нескольких западноевропейских языках. Особенно большое влияние на развитие русской культуры XVIII - первой половины XIX века оказали французский язык и французская культура. С одной стороны, французский язык воспринимался в России этого периода как язык европейской культуры, с другой стороны, он превратился в язык великосветского общества. На протяжении всей своей жизни А. С. Пушкин пользовался французским языком как в сфере устного, так и в сфере письменного общения. Значительная часть писем Александра Сергеевича написана по-французски. Помимо французской культуры, А.С. Пушкин был знаком и с английской литературой, он увлекался

творчеством Байрона, был знаком с творчеством Вальтера Скотта, драматургией Шекспира.

Следующим обстоятельством, обуславливающим актуальность выбранной темы, является то, что конец XVIII- начало XIX века становится временем активного сливания западноевропейской лексики в русский язык, также временем жарких споров о целесообразности таких вливаний и выработки каких-либо правил использования иноязычных слов.

С точки зрения тематики заимствования активно входят в язык группы слов, обозначающие различные понятия в сфере философии, психологии, политики, естественных наук и т.д. (*антагонизм, классицизм, романтизм, феодализм* и др.). Продолжает пополняться группа слов, связанных с дворянским бытом: названия тканей, предметов одежды, головных уборов (*боа, боливар, вицмундир, жакет* и др.); названия блюд, овощей, сортов вин (*бутерброд, пюре, кольраби, лафит, шабли, шнапс* и др.); названия различных танцев, игр (*экосез, гранпасьянс, талья* и др.); названия различных учреждений и заведений (*ресторан, лицей, кофейня* и др.) и т.д. Расширяется группа слов, обозначающих лиц (по роду политической и общественной деятельности: *демократ, либерал, памфлетер, революционер* и др.), определяющих родственные отношения (*кузина, кузен* и др.). В пушкинское время укрепляется наметившаяся в последней трети XVIII в. тенденция к расширению состава лексики, связанной с деятельностью человека, его занятиями.

Рядом с этими процессами увеличения и обогащения словарного состава новыми словами и значениями и семантического углубления и перестройки фразеологических связей слов шли и противоположные процессы ограничения, затухания и выхода из употребления ряда слов и значений [Сорокин 1999: 34].

На таком фоне в плане использования заимствованной лексики развивалось творчество Пушкина, в значительной степени, как показало исследование, отразившее характерные черты языкового развития эпохи.

В работах по языку Пушкина проходит мысль о том, что отбор и употребление всех языковых единиц Пушкиным были подчинены «чувству соразмерности и сообразности», необходимости выполнять в данном тексте определенные стилистические функции, обусловленные темой, типом текста, социальным положением героя, конкретными эстетическими задачами автора, поставленными в данном тексте (Ковалевская 1992).

Художественные принципы А.С. Пушкина в отборе языковых средств, его чуткость и бережное отношение к языку, безусловно, нашли отражение в его произведениях и стали той основой, которая позволяет считать поэта одним из основоположников создания современного русского языка.

О том, что Пушкин очень чутко подходил к вопросу отбора и употребления западноевропеизмов, говорят следующие аргументы: неравномерное распределение иноязычной лексики в различных текстах, разнообразие функций слов западноевропейского происхождения,

которые они выполняют в пушкинских текстах, и варианты авторской правки, черновики, в которых отражен процесс поиска нужного слова.

Анализ заимствованных слов в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» необходим для решения следующих проблем: 1. Многие иноязычные слова, вводимые поэтом в текст произведения утратили значение, которое имели в эпоху создания романа, что в свою очередь лишает произведение многих дополнительных смыслов; 2. в связи с неизбежным нивелированием для современного читателя былой экзотичности и новизны иноязычной лексики обедняется многообразие материального, предметного мира, запечатленного в романе, становится непонятным конкретное социально-историческое содержание, которое стоит за каждым иноязычным внесением в романе [Кашковская 1999: 135], теряется эстетическая нагрузка, получаемая словом в стихе.

Всего в романе встретился 231 западноевропеизм. По количеству словоупотреблений (566) это составляет около 3 % от общего количества словоупотреблений в романе.

Наблюдения за функционированием указанных единиц показывают, что использование западноевропеизмов в «Евгении Онегине» строго предопределено стилистическими задачами автора и наглядно иллюстрирует отношение Пушкина к заимствованной лексике в период формирования его как писателя-реалиста. Так, масштабность, всеохватность изображения жизни дворянского общества 20-х г.г. XIX века, в том числе в ее культурном проявлении, многоплановость затронутых в романе проблем обусловили многообразие тематических групп слов, относящихся по происхождению к западноевропейской лексике.

Таким образом, в романе мы выделяем следующие тематические группы, в которых используется иноязычная лексика:

1. названия блюд, напитков, продуктов питания (ананас, бланманже, котлета, кофе / кофей, ром, трюфли)\
2. предметы туалета, детали одежды: (боа, жилет, картуз, корсет, ливрея, мундир, панталоны, туалет,- фрак, шлафор, шаля).
3. предметы обихода (альбом, бокал, брегет, бронза, вата, лорнет, манежный (хлыстик), рюмка),
4. названия светских развлечений, собраний: названия карточных игр, танцев (бал, бальный, бильярд, бостон, вальс, вист, галоп, клавикорды, клуб, котильон, ломбер, маскарад, раут).
5. слова, обозначающие лиц по социальному статусу (баронесса, дама, лорд, мосье /мосьё, аристократ (в контексте), лорд), лиц по роду деятельности, по выполняемым обязанностям (дипломат, курьер, лакей, ресторатор, форрейтор [орфография источника], швейцар).
6. слова, обозначающие особенности архитектуры города, внешнего вида местности (аллея, аптека, бульвар, гранит, колона [орфография источника], магазин, шоссе) и слова, называющие части помещения, особенности его оформления (балкон, васисдас, ванна, зала, кабинет, камин, канапе, паркет, зала, шкаф, штофные (обои)).
7. слова военной и дуэльной тематики (армейский, бригадир, гвардия, генерал, инвалид, кавалергард, командир, пистолет,

сержант, шпоры; барьер, дуэлист, дуэль, картель, пистолет, секундант), представленной довольно широко и определенным образом характеризующей особенности общественной жизни дворян первой трети XIX века

8. слова, относящиеся к экономике и медицине (*капитал, преискурант, фирма; карантин* (в одном из значений), *ревматизм*).
9. слова, относящиеся к сфере искусства (*актриса, балет, грим, закулисный, кулисы, ложа, партер, портрет, сцена, театр, трагедия, роль, автор, альманах, анекдоты, вампир, гений, герой, героиня, журналист, критик, критика, куплет, мадригал, пародия, план, портрет, роман, романтизм, романтический, сатира, факел* (в одном из значений), *финал, форма, цензура, эпитаф, эпитаграма* [орфография источника], *эпизод, этический*).
10. слова, обозначающие оценку кого-либо / чего-либо или состояние: *аккуратный* [орфография источника], *гармонический, деспот, диктатор, идеальный, квакер, космополит*

«Скажите, чем он возвратился?

Что нам представит он пока?

Чем ныне явится?

Мельмотом, **Космополитом, патриотом,**

Гарольдом, **квакером, ханжой...**» [1, VI: 168])

кокетка, кокетствуя, магический, мадригальный, меркантильный, модный, патриот, педант, скептический, сплин, траги-нервический, траурный, философический, эконо.

Слова этой группы различны не только по частеречной принадлежности (существительные, прилагательные, деепричастие), но и по качеству использованных, в тексте романа переносных значений, а также оттенков значения. Так, например, ярко выраженной оценочной коннотацией в контексте романа обладают слова *эконом* (в ироническом употреблении):

Зато читал Адама Смита,
И был глубокой **эконом**,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет» - [1, VI: 8]),

педант

«В дуэлях классик и **педант**,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял - не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства» - [1, VI: 128]) и др.

11. слова, обозначающие отвлеченные понятия (*anetuit* [орфография источника], *идеал, маска* (Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль **маской** щегольнет иной» - [б: 168]), *метода, мода, мораль, педантство, тон, пенаты, философический, флер, эгоизм*).

Использование слов западноевропейского происхождения той или иной тематической группы вполне естественно объясняется содержанием различных эпизодов (фрагментов) романа. Обратим внимание на те части романа, где мы не встречаем заимствованных слов. Это лирические отступления, письма Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне. Также языковой особенностью создания образа Онегина является тот факт, что Восьмая глава произведения, связанная с взрослением главного героя, обретением им мудрости и опыта практически лишена заимствованных слов, тогда как любое появление Онегина на предыдущих страницах романа было озвучено иностранной лексикой. Мы можем предположить, что эта особенность текста должна послужить дополнительным свидетельством (наряду с другими художественными приемами) о переменах, произошедших в главном герое. Кроме того, если сравнить характеристики, которые дает А.С. Пушкин своему герою в Четвертой главе перед объяснением с Татьяной и с характеристикой в Восьмой главе, то сходства и различия будут очевидны. В Четвертой главе автор подчеркивает мимолетность и ветреность былых увлечений героя, не испытавшего ни разу сильного чувства. Далее в строфе идет развернутое сравнение, в котором

западноевропейизм *вист*, как недавно вошедший в обиход и потому модный, выделен Пушкиным курсивом:

Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На *вист* вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

В контексте строфы это слово не столько обозначает название карточной игры, сколько выстраивает в воображении читателя ассоциативный ряд: карты - игра - жизнь. Жизнь Онегина до встречи с Татьяной действительно похожа на игру по определенным правилам, установленным светом.

Сама исповедь героя, в которую автор включает лишь два иноязычных слова, говорит об искренности героя, отсутствие заимствованной лексики ненавязчиво указывает читателю на это:

Скажу без блесков *мадригальных*:
Нашед мой прежний *идеал*,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных...» [1, VI: 78].

Ситуация резко меняется, когда речь заходит об Ольге Лариной и Владимире Ленском (независимо от этапа развития сюжета). Обратим внимание на характер западноевропейской лексики, появляющейся в

эгих строфах. *Локон, роман, альбом, факел, модный, дама, мадригал и др.* — это слова, характеризующие образ жизни и привычное занятия дворянства. Изобилует заимствованиями строфа, дающая авторский комментарий к стихам Ленского, написанным накануне дуэли: *романтизм, модный, идеал, кабинет.* Причем слово *романтизм* употреблено в контексте строфы дважды, рядом, но в различных значениях:

Что *романтизмом* мы зовем,
Хоть *романтизма* тут нимало
Не вижу я; да что нам в том?» [1, VI: 126],

В результате создается каламбур. Однако его функция не исчерпывается тем, что он создает комический эффект, задействуется не только текст романа, но и затекстовое пространство, автор как бы обращается к реальной культурно-исторической обстановке.

Другой прием, также не менее функциональный - намеренное подчеркивание статуса слова в современном для поэта языке. Например, курсивом у Пушкина выделено заимствование *идеал*, что лишний раз подталкивает читателя к мысли о призрачности, надуманности чувств Ленского, обусловленных увлечением романтизмом («На *модном* слове *идеал* /Тихонько Ленский задремал...» [1, VI: 126]).

Однако, когда дается авторский комментарий чувствам Ленского (лирическое отступление в Четвертой главе, [1, VI: 94 - 95]), заимствования отсутствуют. В результате возникает своеобразный внутритекстовый диалог смыслов: можно иронизировать над Ленским, живущим вымышленным миром, миром иллюзий, однако нельзя не

сочувствовать трагедии пусть молодого и неопытного человека, не успевшего в этой жизни почти ничего.

В соответствии с тематикой глав наблюдается различное процентное соотношение иноязычной лексики с общим количеством словоупотреблений в разных главах романа (Первая глава - почти 4 %, Вторая - почти 2 %, Третья - менее 1,5%, Четвертая - чуть более 2%, Пятая - почти 3%, Шестая - менее 2%, Седьмая - почти 2,5%, Восьмая - почти 2,5%, Примечания к «Евгению Онегину» - почти 6%, Отрывки из путешествия Онегина - почти 2,5%, Отрывки из Десятой главы - почти 2%).

Иноязычные слова в первой главе необходимы для характеристики светского общества, попавшего под воздействие французской культуры, влияние которого Онегин не мог избежать.

Наиболее частотными в тексте Первой главы являются слова: *бал* (8 словоупотреблений), *дама* (5), *роман* (4), *театр*, *лорнет*, *модный*, *сцена* (по 3 словоупотребления). Собственно, в общем виде семантика этих слов и определяет стиль и ценности жизни Онегина.

Во второй главе мы встречаем следующие заимствования: *портрет* и *роман* (по 3 словоупотребления) *альбом*, *инвалид*, *мода* (по 2 словоупотребления) — речь идет о поместном дворянстве, к которому можно отнести характеристику, данную Дмитрию Ларину: «в прошедшем веке запоздалый», кроме того, именно в этой главе создается образ Ленского и получает дальнейшее развитие образ автора.

Третья глава не только наименее насыщена заимствованиями в количественном отношении, но и не отличается многообразием тематических групп слов западноевропейской лексики, что, на наш взгляд, довольно показательно: эта глава - кульминация в развитии

любвонной линии. Тем не менее в главе как будто бы намеренно сконцентрированы слова *герой* и *роман*.

Пятая глава, центральная часть которой - сон Татьяны, еще более, чем предыдущая, демонстрирует избирательность в использовании западноевропейизмов в зависимости от предмета изображения. Природные зарисовки, характеристика внутреннего мира и состояния Татьяны, описание самого сна, как это логично предположить, не содержат ни одного заимствования, кроме двух моментов, связанных с появлением Онегина: *косматый лакей* - о медведе, который приносит ее к «дому» Онегина, и *герой... романа* в момент узнавания.

В Шестой главе из западноевропейизмов наиболее частотны слова *пистолет*, *поэт*. В соответствии с содержанием главы их можно назвать ключевыми, знаковыми. Показательно, что и само описание дуэли не содержит западноевропейизмов, кроме этих двух слов. Для эпизода характерна высокая лексика и лексические штампы, свойственные романтическим произведениям.

По мере развития сюжета заметно изменение наполняемости слова *пистолет*: если в основной части эпизода это обозначение предмета, без которого чаще всего не обходится дуэль, то после гибели Ленского слово уже приобретает в контексте романа скорее даже символический смысл — обозначение предметно-бытовой детали, атрибута дуэли, иногда с иронией, меняет коннотативное значение, и сам предмет воспринимается читателем как нечто злое — причина трагической гибели Ленского.

Распределение заимствованной лексики в Седьмой главе чрезвычайно неравномерно, но принципы использования иноязычной лексики выдержаны весьма строго. В главе в смысловом отношении (и по характеру употребления иноязычной лексики) можно условно выделить несколько частей: лирические отступления о природе и философских раздумьях автора, в которых заимствования отсутствуют;

авторская оценка героев и их поступков (явная и скрытая): заимствования единичны, например, в обращении к читательницам («чувствительные дамы»); описание посещения Татьяной дома Онегина: целый ряд заимствований, как правило, обозначающих предметно-бытовые понятия, т.е. создающие в представлении читателя «мир иной», который открывает для себя Татьяна; описание дороги до Москвы и лирическое отступление о дорогах: совершенно различными способами создается авторская ирония (если в первом случае эффект достигается довольно неожиданным сочетанием слов разговорных и даже просторечных

В современном русском языке многие слова западноевропейского происхождения, использованные в тексте романа «Евгений Онегин», имеют стилистические пометы. Так, к устаревшей лексике относятся *анахорет, брегет, клавикорды, куртина, метода, ресторатор, сплин, форейтор, шлафор, эконо́м*. Есть фонетические и морфологические архаизмы: *на бале, зала, ловлас, кофей, номер*. Такие слова в сознании современного читателя воспроизводят эпоху, описанную в романе, отражают с лингвистической точки зрения языковую ситуацию первой трети XIX века.

Анализ лексики западноевропейского происхождения в романе «Евгений Онегин» показывает, что А.С. Пушкин, в 1827 г. теоретически провозгласивший принцип «соразмерности и сообразности», мастерски реализовал его в своем произведении. Иноязычное слово органично вписывается в пушкинский текст, равно как и слово исконное, подчиняясь процессу рождения новых смыслов, индивидуальных, авторских словоупотреблений; не только является номинирующим обозначением какого-то явления, понятия, предмета, но зачастую содержит в себе и культурологический компонент, который создает подтекстовое пространство романа.

Использование заимствованной (большей частью предметной) лексики для характеристики жизни дворянского общества закономерно, поскольку отражает реальную ситуацию, как бытовую, так и языковую. Однако практически полное отсутствие этих единиц в описании переживаний героев говорит о том, что заимствования не захватывают глубинных сфер жизни русского человека. Это принципиальная позиция Пушкина.

Таким образом, роман дает наглядное представление о принципах подхода А.С. Пушкина к вопросу о заимствованной лексике и позволяет говорить об общих тенденциях развития русского литературного языка в первой трети XIX века, а исследование функционирования иноязычной лексики в конкретном произведении словесности позволяет раскрыть «скрытые перспективы смысла» [Задорнова В.Я. 1992], заложенные автором.

Список использованной литературы:

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837 - 1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 - 1949.
2. Макаров 1957 - Макаров В. В. Об использовании неассимилированной и иноязычной лексики в произведениях Пушкина // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина. Т. 19, вып. 2, 1957. — с. 99 - 114.С

3. Колосова 1984 - Колосова Н.А. Французский язык в идейно-стилевой системе пушкинских произведений. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. — 143 с.
4. Кашковская 1999 - Кашковская М.В. Французская лексика в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и вопросы ее перевода на английский язык. / Пушкин: Сборник научных трудов. - М.: Изд-во МГУ, 1999.-280 е., с. 133 - 151.
5. Васильев Н.В. 1989 — Васильев Н.В. Научная лексика в языке А.С. Пушкина. — Саранск: МГУ, 1989.-91 с.
6. Савина 2003 - Савина Е.В. Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А.С. Пушкина. - Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2003. - 96 с.
7. Сорокин 1999 - Сорокин Ю.С. Основные принципы и источники исторического словаря русского литературного языка XIX века // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю.С. Сорокина. / отв. ред. З.М. Петрова. - СПб.: «Наука», 1999. с. 29-39.
8. Ковалевская 1992 - Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1992. - 303 с.